

УДК 111
ББК 87.212.1
Ш 63

К.А. Шипота,
аспирант кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, e-mail: shipota@list.ru

Семиотика пространства в хронотопе современности (Рецензирована)

Аннотация. В данной статье автор исследует выстраивание семиотического пространства через призму временной явленности и расположенности, по разному данной в опыте эстетических переживаний, определяет феномен циклического и линейного времени через мгновение, которое есть суть схватывания времени и пространства в конкретный момент. Автор статьи приходит к выводу, что в соответствии с опытом каждый человек как субъект может замедлять или ускорять время, но при этом фиксировать течение объективного времени, внешнего относительно мира переживаний. Если возникает чувство, что время остановилось, то лишь на мгновение. Поэтому именно мгновение является основной эстетической дефиницией линейного времени и наделяется различными эстетическими «маркерами». Мгновение может восприниматься как чувство наивысшего счастья и восхищения, как чувство покоя, остановки, как весы, которые взвешивают людские деяния, как чувство наивысшего ужаса.

Ключевые слова: семиотика, современность, время линейное, время циклическое, философия времени, эстетика современности, хронотоп, топохрон, феномен, мгновение.

К.А. Shipota,
Post-graduate student of Aesthetics and Ethics Department of A.I. Gertzen Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg, e-mail: shipota@list.ru

Semiotics of space in modern chronotope

Abstract. In this article the author examines the alignment of semiotic space through the prism of a temporary phenomenon and the location, given in the different ways of the experience of aesthetic experience, defines the phenomenon of cyclic and linear time at the moment, which is the essence of setting time and space at a particular moment. The author concludes that, in accordance with the experience, each person as a subject can slow down or speed up time, but at the same time fix the objective course of time which is external to the world of experience. If there is a feeling that time has stopped, it is only for a moment. Therefore, it is the moment that appears to become the main aesthetic definition of linear time and is provided with different aesthetic “markers.” A moment can be seen as the highest sense of happiness and excitement, as a feeling of peace, like the scales that weigh human acts as the highest sense of horror.

Keywords: semiotics, the present, time linear, time cyclical, the philosophy of time, the aesthetics of the present, chronotope, toponome, a phenomenon, moment.

Человек с необходимостью вовлечен в семиотическое пространство и при этом обладает определенным топосом, в котором заложен онтологический феномен. Феномен по-разному проявляется, но не может себя не обозначить иначе как через Время или «временную явленность».

Феномен времени проявляется в разных традициях и по-разному

обозначает себя в различных культурах. Следует отметить, что феномен времени предопределяет всю систему ценностей и человеческих взаимоотношений: именно из него исходит представление о судьбе, смерти, вечности, смысле жизни. Одним из первых философов, начавших исследовать проблему восприятия времени и культуры в их взаимосвязи, был Освальд Шпенглер [1], утверждавший, что именно с различием субъективного восприятия времени в корреляции с объективными различиями в исторической судьбе народов и создается многообразие и инаковость культур. К примеру, для Востока образ времени — «змея, кусающая себя за хвост» — это, прежде всего, образ цикличности жизни, схваченной в вечном перерождении. Индуизм и буддизм ищут вечность, которая преодолевает бесконечное существование; человек должен прекратить цепь вечных перерождений и полностью освободиться от временного потока обретя нирвану. Совершенно другое восприятие времени мы можем находить в литературных памятниках античности. Рациональные греки понимали время как божественный дар и представленную возможность. Временность располагалась в архитектонике аксиологического феномена совместно с архетипом судьбы. Такое сопряжение вечного и конечного в моменте человеческой жизни позволило грекам не только обозреть людскую судьбу целиком (от начала до конца), но и оценить её с точки зрения вечности.

Феномену временности как одному из основных проявлений сущности человека посвящен фундаментальный труд И. Канта. Он продолжает анализ Баумгартена, который, по мнению Канта, проанализировав чувственное познание, не прибавил к содержанию чувственного познания ничего, что нельзя было бы извлечь из самого понятия, то есть не дал никакого нового знания. В «Критике чистого разума» И. Кант существенно расширяет позиции эстетики как науки, вводя в нее иное, переосмысленное, отретелированное содержание, заключая в эстетическую науку исследование

чувственной стадии познания, и даёт новое синтетическое знание. Занимаясь трансцендентальной эстетикой, И. Кант по-аристотелевски собирает «изолировать» чувственность с тем, чтобы не осталось ничего, кроме эмпирического созерцания, и затем разделить эмпирическое созерцание на всё, что принадлежит к ощущению, так, чтобы осталось лишь чистое созерцание и одна лишь форма явлений, единственное, что может быть дано чувственностью. При этом обнаруживается, что существуют только две чистые формы чувственного содержания как основные принципы априорного знания — пространство и время. И. Кант понимает время как необходимое субъективное условие для восприятия субъектом окружающего мира и самого себя, «способ располагать в душе представления ... представления внешних чувств составляют основной материал, которым мы снабжаем нашу душу, само время, в которое мы полагаем эти представления и которое даже предшествует осознанию их в опыте, находясь в основе их как формальное условие того способа, каким мы полагаем их в душе, содержит уже отношения последовательности, одновременности и того, что существует одновременно с последовательным бытием (того, что постоянно)» [2]. Само время у И. Канта полагается раньше пространства как необходимое условие систематизации чувственного опыта, да и возможности самого опыта; время позволяет связать и актуализировать априорные категории и данные чувственного опыта. Само время полагает в наличествующем мире возможность эмпирического опыта, мышления, представления, идеи, всё это базируется на априорных категориях и синтетическом опыте. Время есть реакция сознания, направленная на упорядочивание чувственного мира. По мнению Канта, время исключительно субъективно и априорно, то есть не свойственно чувственному миру, но также время не свойственно и номенальному миру: «если мы возьмем предметы так, как они могут существовать сами по себе, то время есть ничто» [3].

Таким образом, время — это лишь форма и функция сознания, чуждая содержанию, позволяющая субъекту выстраивать временные отношения и упорядочивать действительность. Оно позволяет располагать в душе представления: «душа воздействует на себя своей собственной деятельностью, а именно полаганием своих представлений» [4]. Феномен временности — это процесс, обладающий непрерывным движением и содержащий в себе одновременность и последовательность: от прошлого к будущему, находя свою актуальность в настоящем — «современном».

Основой жизни человека выступает циклическое время. Возвращение времени — это ритуал, обладающий для людей древности, наделенных мифологическим сознанием, «сакральным» смыслом и повторяющийся вновь и вновь. Повторяющиеся ритуалы из года в год, следуя один за другим, приводят мир к гибели и к новому рождению. «Любой религиозный праздник, любое литургическое время основывается на реактуализации некоего сакрального события, которое произошло в мифическом прошлом, «в начале». Участие в празднике обеспечивает выход из «обычного» времени и включение в мифическое время, реактуализированное посредством этого праздника. Сакральное время можно без конца «находить» и воспроизводить, иными словами оно «не течет», не является необратимым» [5].

Известный культуролог М. Элиаде в своей работе «Миф о вечном возвращении» различает «бесконечное циклическое время» — событийный ряд повторяется бесконечное число раз, и «ограниченное циклическое время» — число повторов конечно (цикл «золотого века» поэзии, следующий — «серебряный век» и т.д.) [6].

Исследования, посвященные циклическому времени, наводят на мысль, что идея времени линейного (порядкового, которое движется к заданной цели) в культуре проявляется намного позже. В аксиологическом восприятии линейное и циклическое время взаимосвязано — это всё одно Время, но их

невозможно примирить. Время можно воспринимать либо как цикл, либо как порядок.

Семиотика пространственной явления в хронотопе современности может быть по-разному дана в опыте эстетических переживаний: эстетика времен года, эстетика времен дня, циклическая жизнь социума (чередования режима труда и отдыха). Все переживания времени лежат в поле онтологического восприятия, и, чтобы мы могли их перенести в эстетическо-воспринимаемый контекст, нам необходимо, чтобы воспринимаемое время было наделено отличительной чертой, например переживаемое время должно быть окрашено определенным чувством. Так, само восприятие осени должно стать особенным, отличным от других времен года, что приведет нас к переживанию времени. Но этот эстетически схваченный образ времени необходимо должен быть сменен другим образом времени, и с одной стороны — это другое время того же самого (в нашем случае: времен года), а с другой стороны, то же самое, приводящее к тому же самому. Очень точно такое переживание описано А.С. Пушкиным: «...Унылая пора! очей очарованье! / Приятна мне твоя прощальная краса — / Люблю я пышное природы увяданье, / В багрец и в золото одетые леса... / И с каждой осенью я расцветаю вновь...». Необходимо указать, что: одним из феноменов циклического времени является отсутствие аспекта необратимости, ибо только циклическое время вечно возвращается и в своем круговороте остается неизменным.

Феномен циклического времени заключается в том, что наблюдая смену времен года, мы «испытываем чувство удовольствия от ощущения вечного движения вечной жизни в разных, но равнодостоинных её ликах, от постоянства этого движения, от надежной неизменности пребывающего в нем мира» [7]. Но данное нам время в условных категориях циклическости не имеет актуальности — это всего лишь движение по замкнутому кругу, и можно чувствовать только часть этого времени

в сезонно-календарной конкретности (осень-зима-весна-лето-осень...), закрепляющейся в нашем субъективном отношении к происходящему сезонному/суточному циклу. Таким образом, четкая ритмизация бытия не дана нам в нашем личном опыте — это привнесенное в нас или присвоенное нами через включенность в культурную традицию и цикличность природного, внешнего мира.

Линейное (историческое) время неразрывно связано со временем онтологическим, а точнее сказать, выходит из онтологического восприятия, в котором происходят индивидуализированные события, складывающиеся в событийные ряды, формируется историческое восприятие времени, семиотическое пространство.

Эстетика линейного времени или времени «возрастов» [8], как её определяет в своей работе С.А. Лишаев, подразумевает, что всё окружающее нас в органическом и неорганическом мире обладает феноменальным свойством накапливать и проявлять временные изменения, позволяя нам получать опыт переживания линейного времени. Так, человек и все животные — стареют, металлы, камни и другие материалы — по-разному проявляют процесс старения, а все строения и сооружения из этих материалов — недолговечны!

Время и история неразделимо связаны. История разворачивается в непрерывающейся последовательности уникальных событий, которые упорядочиваются отношением «раньше, чем» [9], такие связки и создают время. Итак, можно заключить, что все события происходят или раньше, или позже, или одновременно с другими событиями. Неизменный аспект линейного времени неразрывно связан с разделением всех событий на прошлые, настоящие и будущие. Данный аспект требует пояснения, а именно: реально существуют только события настоящего времени, события будущего ещё не существуют, а события прошлого уже перестали существовать. «...Только настоящее имеет бытие в природе, прошедшее имеет бытие лишь

в памяти, а будущее не имеет никакого бытия» [10].

Но как тогда мы можем воспринимать и принимать на веру рассказы о прошлом или правильные предсказания будущего, если они не имеют реальных оснований? Ответ на этот вопрос мы находим в рассуждениях Августина Блаженного: «...И в самом деле, как могли, например, пророки, которые предсказывали будущее, видеть это будущее, если бы оно не существовало? Ведь того, что не существует, и видеть нельзя. И опять, те, которые рассказывают нам о прошедшем, не могли бы рассказать о нем, как о действительно существовавшем, если бы оно в душе их не представлялось таковым; как же оно могло бы предназначаться им, если бы вовсе не существовало? Итак, надобно полагать, что и прошедшее, и будущее время также существуют, хотя непостижимым для нас образом» [11].

Самая важная характеристика линейного времени заключена в его «текучести». В своей работе Павел Флоренский так определяет это свойство действительности: «...аналитическое научное и житейское сознание ... при уяснении себе образа действительности, всячески старается отвлечься от длительности или возможно ограничить ее, чтобы возможно исключить из образа его текучесть; предмет исследования пригвозждается, чтобы, хотя приблизительно, задержать его процессы» [9]. Конечно же, когда мы схватываем предмет в его сути, когда начинаем его исследовать, то первое, от чего мы отказываемся, это хронос временности — как предмет «проживает» своё время. Только «чистые» науки, оперирующие «чистыми» отвлеченными понятиями, такие как математика и метафизика, не требуют от нас таких усилий.

«Греческое познание начиналось с выделения отдельных восприятий из хаоса слитных впечатлений, — отмечает в своем исследовании Н.И. Кагарманова. — Это было условием обнаружения устойчивых форм бытия в неопределенно бесформенной текучести мира» [4]. Под течением времени

подразумевается, что события будущего становятся событиями настоящего, а затем событиями прошлого. Такой опыт «текучести» можно наблюдать не только в событиях истории, но это, прежде всего, и индивидуальный чувственный, эстетический опыт каждого из нас. Если мы обратимся к нашему восприятию времени, то, структурируя свой опыт, каждый может прочувствовать течение времени, которое неотделимо связано с переживанием времени: человек чувствует, как: «время замедляется», «ускоряется» или «останавливается на мгновение». В своих исследованиях по теории искусства Павел Флоренский пишет так: «...Но всякому представляется в непосредственном самосознании, что это замедление произошло лишь в данный раз, по какой-то слабости, рассеянности, и вообще — нежеланию сделать усилие, но что у него в запасе имеется на будущее еще другой раз, когда он не сплоскает, и то же действие произведет уже без малейшего замедления, т.е. безвременно» [9]. Все наши действия, восприятия и оценки лежат во времени, вся действительность пронизана временем, но аксиологический феномен в том, что мы это чувство не воспринимаем и пытаемся всячески от него избавиться, не пытаюсь преодолеть.

«Погрузившись в себя, человек обнаруживает внутри те силы и начала, которые сообщают иное восприятие времени» [4]. Человек, с помощью своего восприятия, благодаря топосу своей временной явленности делает попытки преодоления времени, пытается регулировать течение времени. Для различения скорости протекания времени (а чаще всего мы замечаем, как оно утекает, ускользает от нас, когда из задуманного не было реализовано ничего), мы обращаемся к своему опыту, к самим себе. Феноменальность данного явления состоит в том, что наше субъективное время напрямую зависит от нашего состояния, от проявляемых чувств, от психофизических состояний нашего организма, что напрямую влияет на наше восприятие времени, но при этом, само движение времени

остается объективной реальностью и феноменом внешней реальности.

Удивительный парадокс! В соответствии с нашим опытом, мы, как субъекты, можем замедлять или ускорять время, но при этом фиксировать течение объективного времени, внешнего относительно мира наших переживаний. Если возникает чувство, что время остановилось, — то лишь на мгновение. Поэтому именно мгновение является основной эстетической дефиницией линейного времени, и наделяется различными эстетическими «маркерами». В поэзии разных поэтов мгновение воспринимается полярно:

— это и чувство наивысшего счастья, восхищения: «...Я помню чудное мгновенье: / Передо мной явилась ты, / Как мимолетное виденье, / Как гений чистой красоты» (А.С. Пушкин);

— и чувство покоя, остановки: «Так, в жизни есть мгновения — / Их трудно передать, / Они самозабвения / Земного благодать. / Шумят верхи древесные / Высоко надо мной, / И птицы лишь небесные / Беседуют со мной. / Все пошлое и ложное / Ушло так далеко, / Все мило-невозможное / Так близко и легко. / И любо мне, и сладко мне, / И мир в моей груди, / Дремотою обвеян я — / О время, погоди!» (Ф. Тютчев);

— это и весы, которые взвешивают людские деяния: «...У каждого мгновенья свой резон / Свои колокола, своя отметина / Мгновенья раздают кому позор / Кому бесславье, а кому бессмертие / (...) Мгновения спрессованы в года / Мгновения спрессованы в столетия / И я не понимаю иногда / Где первое мгновенье, где последнее...» (Р. Рождественский);

— так и чувство наивысшего ужаса (такое свидетельство мы можем найти у многих авторов художественных произведений — «в это мгновение вся жизнь промелькнула передо мной»), именно поэтому Фауст в одноименном произведении Гете будет искать именно «мгновение»: «...Ну, по рукам! / Когда воскликну я: «Мгновенье, / Прекрасно ты, продлись, стой!» — / Тогда готовь мне цепь плененья, /

Земля разверзнься подо мной! / Твою неволю разрешая, / Пусть смерти зов услышу я — / И станет стрелка часовая, / И время минет для меня» (Гёте Фауст пер. Н.А. Холодковского ч. 1, сцена 4 «Кабинет Фауста»).

Эстетически ощущая «мгновение», которое есть суть схватывания времени и пространства в конкретный момент, момент сотворения неба и земли, «с которого началась история», мы приходим к эстетическому переживанию «вечности». «... Время для японцев, — как отмечает Н.И. Кагарманова, — всегда «теперь», что эквивалентно «вечности», но поскольку оно «теперь» — оно прекрасно. Недолговечные, краткие моменты, такие как восход и заход солнца, цветение вишни, появление льда на реке и т.д., заслуживающие, с точки зрения японцев, самого пристального внимания, отлиты в особую эстетическую форму» [4]. Т. Гоббс в «Левиафане» пишет так: «Душа всегда живет в том мгновении, в котором соединяются прошлое и будущее, через неё течет поток Вечности, в котором всё и всегда сейчас» [1].

Такое восприятие мгновения мы находим и у Августина в его «Исповеди»: «В Вечности ничего не происходит, но пребывает как настоящее во всей своей полноте» [3], и поясняет: «Никто не может отрицать, что настоящее лишено протяженности, ведь его бег — лишь мгновение» [1]. По мнению Августина, мгновение не имеет длительности и не может быть измерено. Только полагая время в душе, Августин приходит к выводу, что оно может быть измерено благодаря опыту проживания времени. Время и вечность не сравнимы: во времени существует череда множества преходящих мгновений, которые не могут не сменять друг друга, «в веч-

ности ничто не преходит, но пребывает как настоящее во всей полноте; время как настоящее в полноте своей пребывать не может. Недвижная пребывающая вечность, — далее продолжает Августин, — не знающая ни прошедшего, ни будущего, указывает времени быть прошедшим и будущим» [1]. Так же рассуждает и С. Кьеркегор: «Мгновение — это та двусмысленность, в которой время и вечность касаются друг друга, и вместе с тем полагает понятие временности, в которой время снова и снова разделяет вечность, а вечность снова и снова пронизывает собой время» [6].

Итак, могут ли наши ощущения в замедлении или ускорении времени считаться объективными? А объективное время — может ли ускоряться или замедляться? — Конечно же, нет. Тогда нам необходимо говорить о разных временах, т.е. о том, что каждое биологическое тело обладает своим ощущением времени. Если углубиться в историю человеческой мысли, то мы увидим, что практически все ученые, которые занимались осмыслением времени, едины в одном: время универсально. Начиная с эпохи модерна появляется теория о локальных временах, согласно которой «есть время физическое, химическое, космологическое, геологическое, биологическое, социальное <...>, и все эти времена объективны. Основной аргумент — должны же темпоральные процессы иметь особенности протекания применительно к различным видам и условиям движения материи. Быть может, так. Но в чем заключаются эти особенности, какие фундаментальные свойства времени ими затрагиваются? Вразумительных ответов нет, за исключением одного: пишут о том, что время по-разному длится в зависимости от вида реальности или условий движения» [2].

Примечания:

1. Августин Блаженный. Исповедь / пер. и коммент. М.Е. Сергеевко. М.: Гендальф, 1992. 345 с.

2. Анисов А.М. Направленность и обратимость времени // Логические исследования. М.: РОССПЭН, 1999. Вып. 6. С. 195-217.

3. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избр. произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1964.

4. Кагарманова Н.И. Восток и Запад: парадоксы познания. М.: ЛЕНАНД, 2012. 576 с.

5. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.

6. Кьеркегор С. Понятие страха // Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: ТЕРРА-Книжный клуб: Республика, 1998. С. 115-251.
7. Лишаев С.А. Эстетика Другого. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 380 с.
8. Поликарпов В.С. Время и культура. URL: http://ihtik.lib.ru/2012.03_ihtik_philos/ (обращение 20.02.2013).
9. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 302 с.
10. Шпенглер О. Закат Западного мира: очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 1. Образ и действительность / пер. с нем. И.И. Маханькова. М.: Академический проект, 2009. 648 с.
11. Элиаде М. Миф о вечном возвращении / пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. СПб.: Алетейя, 1998. 250 с.

References:

1. St. Augustine. The Confessions of St. Augustine / transl. and comment. by M.E. Sergeenko. M.: Gendalf, 1992. 345 pp.
2. Anisov A.M. The direction and reversibility of time // Logical researches. M.: ROSSPEN, 1999. Iss. 6. P. 195-217.
3. Hobbes T. Leviathan or the matter, form and power of Common Wealth Ecclesiasticall and Civil // Hobbes T. Selected works: in 2 v. V. 2. M.: Mysl, 1964.
4. Kagarmanova N.I. The East and the West: paradoxes of cognition. M.: LENAND, 2012. 576 pp.
5. Kant I. The critique of pure reason. M.: Mysl, 1994. 591 pp.
6. Kierkegaard S. The concept of fear // Kierkegaard S. Fear and trembling. M.: TERRA-Knizhny klub: Respublika, 1998. P. 115-251.
7. Lishaev S.A. Aesthetics of something different. 2nd ed. corrected and enlarged. SPb.: SPbSU publishing house, 2008. 380 pp.
8. Polikarpov V.S. Time and culture. URL: http://ihtik.lib.ru/2012.03_ihtik_philos/ (the address date is 20.02.2013).
9. Florensky P.A. The analysis of spatiality and time in art and graphic works. M.: Progress, 1993. 302 pp.
10. Spengler O. The decline of the West: sketches of morphology of world history: in 2 v. V. 1. Image and the reality / transl. from German I.I. Makhankov. M.: Academic project, 2009. 648 pp.
11. Eliade M. The myth of the eternal return / transl. from French by E. Morozova, E. Murashkintseva. SPb.: Aleteya, 1998. 250 pp.